

Шопенгауэр Артур

**Афоризмы и максимы Артур
Шопенгауэр**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Афоризмы и максимы Артур Шопенгауэр / Шопенгауэр Артур – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 369 с.

ISBN 978-5-521-31486-7

ISBN 978-5-521-31486-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АФОРИЗМЫ И МАКСИМЫ

въ руководство житейской мудрости.

Высшимъ правиломъ всяческой житейской мудрости я считаю положеніе, высказанное мимоходомъ Аристотелемъ въ его этикѣ: *Quod dolore vacat, non quod suave est, persequitur vir prudens*, т. е. разумный гонится за тѣмъ, что избавляетъ отъ страданій, а не за тѣмъ, что пріятно. Справедливость этого изреченія основывается на томъ, что всякое наслажденіе и счастье — отрицательны, негативны, а страданіе, напротивъ, положительно, позитивно.

Когда все тѣло цѣло и здорово за исключеніемъ какого-либо небольшого пораненнаго или больного мѣста, то это здоровье цѣлаго не проникаетъ болѣе въ сознаніе, а все вниманіе постоянно направляется на боль поврежденнаго мѣста, и довольство общаго жизнеощущенія прекращается. Точно также, если всѣ наши дѣла идутъ по нашему плану, кромѣ одного, которое

противорѣчить нашимъ намѣреніямъ, то это послѣднее, какъ ни будь оно ничтожно по своему значенію, все будетъ лѣзть къ намъ въ голову. Мы будемъ часто думать объ немъ и мало обо всѣхъ другихъ, болѣе важныхъ вещахъ, идущихъ по нашему расчету.

Въ обоихъ случаяхъ задѣтою является воля; въ первый разъ — какъ она объективируется въ организмъ, а во второй — какъ она овеществляется въ стремленіяхъ человѣка. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ видимъ мы, что ея удовлетвореніе дѣйствуетъ всегда лишь отрицательно, а потому и не ощущается непосредственно и входитъ въ сознаніе развѣ только путемъ рефлексіи. Напротивъ, всякая задержка воли положительна и сама о себѣ возвѣщаетъ. Всякое наслажденіе состоитъ только въ уничтоженіи этой задержки, въ освобожденіи отъ нея — стало быть, непродолжительно.

На этомъ-то и основано похваленное мною правило Аристотеля. Оно учитъ насъ обращать вниманіе не на удовольствія и наслажденія жизни, а на то, чтобы по возможности дальше уходить отъ ея безчисленныхъ золъ. Слѣдовательно, кто хочетъ подвести итогъ своей жизни въ смыслѣ благополучія, долженъ вести счетъ не по пережитымъ имъ наслажденіямъ, а по количеству избѣгнутыхъ имъ золъ. И вообще, вы-

раженіе жить счастливо» значить — жить «менѣе несчастливо», т. е. сносно. Жизнь существуетъ не затѣмъ собственно, чтобъ ею наслаждаться, а чтобы ее переносить, отбывать. И поистинѣ, сбыть съ плечъ работу — повинность жизни — утѣшеніе въ старости. Кто измѣряетъ счастье своего жизненнаго поприща наслажденіями, — употребляетъ ложный масштабъ. Наслажденія негативны и останутся негативными; что они осчастливливаютъ человѣка — это мечта, которую лелѣетъ зависть, въ наказаніе себѣ. Страданія, напротивъ, ощущаются положительно, и отсутствіе ихъ — вотъ масштабъ житейскаго счастья!

Если къ безболѣзненному и безпечальному состоянію присоединится еще отсутствіе скуки, то земное счастье въ существенномъ достигнуто, ибо остальное — химера.

И дѣйствительно, что за грубѣйшее извращеніе понятій — стараться превратить эту арену скорби въ увеселительное мѣсто и, вмѣсто избѣжанія страданій, ставить себѣ цѣлью — наслажденія и радости! И сколько людей въ этомъ грѣшны! Глупецъ гонится за наслажденіями жизни и видитъ себя обманутымъ: мудрый избѣгаетъ золь. Если ему не повезетъ и въ этомъ, то тутъ ужъ вина судьбы, а не его глупости. Но пока его сопровождаетъ удача, онъ не обма-

нута, ибо зло, отъ котораго онъ уклонился, въ высшей степени реально.

Непризнаніе этой истины служить источникомъ множества страданій. Въ этомъ смыслѣ говорить и Гёте: «Кто хочетъ избавиться отъ бѣды, знаетъ всегда, чего онъ хочетъ, а кто хочетъ лучшаго, бродитъ въ потемкахъ». Таковъ же смыслъ и французской пословицы: «*Le mieux est l'ennemi du bien*». Основная мысль цинизма опирается также на эту истину. Да и что могло побудить циниковъ къ отрицанію всякихъ наслажденій, какъ не мысль о связанныхъ съ ними, въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, страданіяхъ, избѣжать которыхъ казалось имъ гораздо важнѣе, чѣмъ достигнуть наслажденій. Они были глубоко проникнуты сознаніемъ негативности наслажденія и позитивности страданія, почему, совершенно послѣдовательно, дѣлали все для избѣжанія зла, а это привело ихъ къ полному и преднамѣренному отреченію отъ наслажденій.

Мы всѣ, конечно, родились въ Аркадіи, какъ говорить Шиллеръ, т. е. всѣ мы вступаемъ въ міръ полные притязаній на счастье и наслажденіе и лелѣемъ безумную надежду осуществить эти притязанія. Но, какъ обыкновенно водится, на сценѣ вскорѣ появляется рокъ, беретъ насъ безцеремонно въ свои лапы и учитъ насъ, что

нашего нѣтъ ничего, а все его, что онъ имѣеть неоспоримое право не только на нашу собственность, на нашу жену и дѣтей, но даже и на руки и ноги, на глаза и уши и на носъ среди нашей фізіономіи. Конечно, черезъ нѣкоторое время является опытъ и даетъ прозрѣніе, что счастье и наслажденіе не болѣе, какъ фатаморгана, видимая только издали и исчезающая при приближеніи, что страданіе и боль имѣють, напротивъ, реальность, непосредственно сами себя заявляютъ и не нуждаются въ иллюзіяхъ и ожиданіяхъ.

Что въ особенности мѣшаетъ усвоенію этихъ спасительныхъ взглядовъ, такъ это именно лицемѣріе и притворство свѣта, которыя, поэтому, и слѣдуетъ съизмала разоблачать передъ юношествомъ. Всякое великолѣпіе въ большинствѣ случаевъ — пустой блескъ, простая кажимость, какъ театральная декорація, и лишено сущности дѣла. Такъ, на примѣръ, расцвѣченныя флагами суда, пушечная пальба, иллюминаціи, барабаны и трубы, ликованія и крики, — все это только вывѣска, намекъ, іероглифъ радости, самой же радости обыкновенно при этомъ не найти, — она одна отсутствуетъ на праздникѣ. А гдѣ она дѣйствительно присутствуетъ, то появляется тамъ безъ зова и доклада, сама собою и *sans façon*; прокрадывается тихо, зачастую

по ничтожнѣйшимъ и пустымъ поводамъ, при самой будничной обстановкѣ и менѣ всего при блистательныхъ, торжественныхъ случаяхъ. Она, какъ золото въ Австраліи, разбросана тамъ и сямъ по прихоти случая, безъ всякихъ правилъ и законовъ, большею частію мелкими крупинками и чрезвычайно рѣдко въ большихъ массахъ.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ проявленіемъ печали и горя. Какъ угрюмо и медленно движется похоронная процессія! рядамъ каретъ не видно и конца! Но загляните внутрь: они всѣ пустыя и покойника провожаютъ собственно кучера со всего города. Краснорѣчивый образъ уваженія и дружбы этого міра! Это-то и есть лживость, пустота и лицемѣріе человѣческихъ дѣйствій.

Другой примѣръ представляетъ торжественный пріемъ массы приглашенныхъ, пышно разодѣтыхъ гостей. Они есть вывѣска благородной, утонченной общительности. Но вмѣсто этой послѣдней обыкновенно обнаруживаются принужденіе, мука и скука. Ибо гдѣ много гостей, тамъ много и дряни, хотя бы всѣ они были звѣздоносцы. Дѣйствительно, хорошее общество, вездѣ и необходимо, весьма не велико. А блистательныя, шумныя празднества и увеселенія вообще имѣютъ въ себѣ внутреннюю пустоту и даже нѣ-

который разладъ, уже потому, что они громко противорѣчатъ скудности и бѣдственности нашего существованія. И однакоже, наблюдаемое извнѣ, все это производитъ дѣйствіе, — а это не составляетъ цѣль. Академіи и философскія кафедры равнымъ образомъ также представляютъ вывѣску, внѣшній видъ мудрости, но и она большею частью тамъ отсутствуетъ и искать ее слѣдуетъ совершенно въ иномъ мѣстѣ.

*
* *

Если хочешь оцѣнить состояніе человѣка относительно его благополучія, слѣдуетъ спрашивать не о томъ, что его радуетъ, а о томъ, что его печалитъ; ибо чѣмъ ничтожнѣе это послѣднее само по себѣ, тѣмъ человѣкъ счастливѣе: благополучіе въ томъ и состоитъ, чтобы быть чувствительнымъ къ мелочамъ, которыхъ въ несчастіи мы вовсе не замѣчаемъ.

*
* *

Вслѣдствіе оптического обмана духовнаго глаза, жизнь наша, при взглядѣ на нее въ началѣ поприща, кажется безконечной, а при оглядкѣ на нее въ концѣ, — очень короткой. Конечно, это имѣетъ и свою хорошую сторону: безъ этого едва ли бы осуществилось что нибудь великое.

Вообще, съ нами въ жизни происходитъ то же, что съ путешественникомъ въ дорогѣ. По мѣрѣ движенія его впередъ, предметы принимаютъ инныя очертанія, чѣмъ тѣ, которыя они представляли издали, и какъ бы вполнѣ превращаются, когда онъ подходитъ къ намъ близко. Особенно это замѣчается относительно нашихъ желаній. Часто мы находимъ совершенно другое и даже лучшее, чѣмъ мы искали; часто искомое попадаетъ совсѣмъ не на томъ пути, который мы тщетно къ нему прокладывали. Иной разъ тамъ, гдѣ мы искали наслажденія, радости, счастья, мы обрѣтаемъ, вмѣсто нихъ, поучительный урокъ, презрѣніе, познаніе — прочное, истинное благо, вмѣсто мимолетнаго и кажущагося.

Выдающіяся и благородныя натуры вскорѣ подмѣчаютъ это воспитаніе судьбы и отдаются ему съ покорностью и благодарностью. Онѣ убѣждаются, что въ мірѣ можно найти поученіе, но не счастье, — бываютъ довольны и рады промѣнять надежды на прозорливость, и наконецъ восклицаютъ вмѣстѣ съ Петrarкой:

Altro diletto, ché imparare, non provo!

Такое настроеніе даже можетъ дойти до того, что они станутъ еще отдаваться своимъ желаніямъ только для виду и въ шутку, но серьезно и въ глубинѣ души будутъ собственно ожи-

дать лишь поучительныхъ уроковъ; что и придаетъ имъ тогда геніальный, величавый оттѣнокъ. Въ этомъ, можно сказать, что съ нами случается то же, что и съ алхимиками, которые, отыскивая только золото, открыли порохъ, фаянсъ, лекарства, даже законы природы.

*

*

Человѣкъ, переживающій отдѣльные дни и часы своей жизни, относительно цѣлаго жизненнаго поприща и его характера, находится въ положеніи рабочаго, участвующаго въ постройкѣ зданія, но или не знающаго плана цѣлаго, или же не всегда имѣющаго его подъ рукою.

*

* *

Какъ странникъ видитъ и узнаетъ пройденный имъ путь въ общей связи, со всѣми его изгибами и поворотами, только поднявшись на возвышенность, такъ и мы только въ концѣ какого либо періода или даже и всей жизни распознаемъ истинную связь нашихъ дѣлъ и твореній, точную ихъ послѣдовательность и спѣшеніе, а также и ихъ цѣнность. Ибо, пока мы поглощены ими, мы поступаемъ всегда только по незыблемымъ свойствамъ своего характера, подъ вліяніемъ мотивовъ и по мѣрѣ своихъ способностей, слѣдовательно всегда съ необхо-

димостью, дѣлая въ каждый моментъ только то, что намъ кажется тогда справедливымъ и умѣстнымъ. И только результатъ показываетъ, что изъ этого вышло, а оглядка на цѣлое во всей его связи — какимъ образомъ и черезъ что. По этой же причинѣ, совершая величайшіе подвиги или творя безсмертныя произведенія, мы не сознаемъ ихъ таковыми, а просто полагаемъ, что мы поступаемъ согласно со своими текущими цѣлями и сообразно съ тогдашними намѣреніями, а слѣдовательно, какъ разъ надлежащимъ по данному моменту образомъ. Но только цѣлое, въ своей совокупности, проливаетъ въ послѣдствіи истинный свѣтъ на нашъ характеръ и наши способности. Мы видимъ тогда, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ будто по вдохновенію, мы изъ тысячи побочныхъ путей избирали единственно вѣрный, руководимые своимъ гениемъ. Все сказанное здѣсь приложимо какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, а въ обратномъ смыслѣ — и къ дурному и неудачному.

*
* *

Важный пунктъ житейской мудрости представляетъ правильность пропорціи, въ которой мы дѣлимъ наше вниманіе между настоящимъ и будущимъ, чтобы одно не портило намъ дру-